

УДК 94 (470.6) "18"
<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.1.7>

Е. В. Кузнецова

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ И ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ ФАКТОРЫ КАК УСЛОВИЯ «ИММУННОСТИ» В ЖИЗНИ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Географическая среда во всем своем многообразии часто определяла формы социального существования северокавказских горцев в первой половине XIX в. Социум и ландшафт были тесно переплетены благодаря длительной практике взаимодействия и наследовались из поколения в поколение посредством трансляции традиции. Это обстоятельство во многом определяло устойчивое неприятие всех иных вариантов социокультурных парадигм, вторгавшихся в жизненное пространство горцев Северного Кавказа.

Связанность горских социумов с вмещавшей их ландшафтной средой определялась также той ролью, которую местные ландшафты исполняли в горской повседневной жизни, являясь, например, неперенными участниками местных сакральных культов.

Привносившиеся инокультурные агенты разрушали установившуюся ранее гармонию во взаимодействиях горских социумов с географической средой их обитания, а потому отвергались ими, поскольку покушались отменить сами основы горского традиционного существования. Этнические кавказские общества активно не принимали чужих инноваций, нарушавших ход их привычной жизни и противоречащих их ментальности.

Снятию существовавших запретов, бывших в кавказской среде разнообразными механизмами самозащиты, препятствовала сама среда их обитания, её естественные основания, разрушение или отказ от которых вели к деградации не только самой среды, но связанных с ней горских обществ.

Защищая свою самобытность горские народы реализовывали, используя как реальные, так и ритуальные действия. Изменения, связанные, например, со сменой характера и назначения трудовой, выходявшие за рамки существовавшей ранее традиции, также могли иметь разрушительные последствия, которые, если внедрялись в горскую жизнь, то были результатом непреодолимого внешнего воздействия.

Ключевые слова: горские социумы, географическая среда, ландшафт, традиция, сакральность, социальная роль, инновация, инокультурные агенты.

Для цитирования: Кузнецова Е. В. Географический и хозяйственный факторы как условия «иммунитетности» в жизни народов Северного Кавказа первой половины XIX века // Гуманитарные и юридические исследования. 2023. Т. 10 (1). С. 57–63. DOI: 10.37493/2409-1030.2023.1.7

Ekaterina V. Kuznetsova

GEOGRAPHICAL AND ECONOMIC FACTORS AS THE CONDITIONS OF «IMMUNITY» IN THE LIFE OF THE PEOPLES OF THE NORTH CAUCASUS IN THE FIRST HALF OF THE 19TH CENTURY

The geographical environment in all its diversity often determined the forms of social existence of the North Caucasus highlanders in the first half of the 19th century. Society and landscape were closely intertwined through a long practice of interaction and were inherited from generation to generation through the transmission of tradition. This circumstance largely determined the persistent rejection of all other variants of sociocultural paradigms that invaded the living space of the mountaineers of the North Caucasus.

The connection of mountain societies with the landscape environment was also determined by the role that local landscapes played in mountain everyday life, being, for example, indispensable participants in local sacred cults.

The foreign cultural agents that were brought in destroyed the previously established harmony in the interactions of mountain societies with their geographical environment, and therefore were rejected by them, since they attempted to cancel the very foundations of mountain traditional existence. Ethnic Caucasian societies did not actively accept foreign innovations that disrupted the course of their usual life and contradicted their mentality.

The removal of the existing prohibitions, which were various mechanisms of self-defense in the Caucasian environment, was hindered by the very environment of their habitat, its natural foundations, the destruction or abandonment of which led to the degradation of not only the environment itself, but the mountain societies associated with it.

Defending their identity, the mountain peoples realized using both real and ritual actions. Modifications associated, for example, with a change in the nature and purpose of labor, which went beyond the framework of a pre-existing tradition, could have devastating consequences, which, if introduced into mountain life, were the result of insurmountable external influence.

Key words: mountain societies, geographical environment, landscape, tradition, sacredness, social role, innovation, foreign cultural agents.

For citation: Ekaterina V. K. Geographical and economic factors as the conditions of «immunity» in the life of the peoples of the North Caucasus in the first half of the 19th century // Humanities and law research. 2023. V. 10 (1). P. 57–63 (In Russian). DOI: 10.37493/2409-1030.2023.1.7

Социокультурная определенность во многом вырастает и задается географической средой обитания любого общественного образования, как бы «конструируется» на основе её параметров, и там формируются исторически обусловленные структуры социального пространства. География превращается в колыбель социума, сообщая ему свои установки и предлагая потенциал развития. Этим она «прикрепляет» социум к определенному месту развития, обозначает его пространственные границы. Природные компоненты горского пространства, тесно переплетавшиеся с социокультурной средой благодаря длительной исторической практике, закреплённой в традициях, обуславливали неприязнь к вторгавшимся в их сферу жизнедеятельности ко всем социокультурным вариантам, выстроенным на иных основаниях.

Важный момент в данном аспекте отмечается в современной кавказоведческой литературе, когда подчеркивается роль кавказских ландшафтов, определяя их в качестве естественной и первоначальной основы социально-культурной стороны жизнеуществования для местных народов [8, с. 102]. Кавказские ландшафты во многом продолжали выполнять экзистенциальную функцию в формировании мировидения горских обществ, будучи тесно связанными с местными «этническими религиозно-мифологическими поверьями» [8, с. 103] и находились с ними в состоянии полусоздаваемой гармонии.

Многие инокультурные агенты, в том числе Россия, предполагали иной подход в отношении с ландшафтами – они позиционировали себя гегемонами, навязывавшими свою волю ландшафтам, в том числе и ландшафтам кавказским, что не могло безропотно приниматься местным кавказским населением. Покушение на первозданность или установленную традицию отношений между человеком и окружающим географическим пространством должно было восприниматься как покушение на сами основы горской экзистенции. Например, русские рубили горный лес, прокладывая там просеки, распахивали долины и предгорья, основывали поселения там, где их никогда не устраивали горцы, прокладывали по склонам гор дороги, запирали крепостями устья рек и выходы в долины, а полковые штаб-квартиры перерастали в города, окруженные форштадтом, претендуя не только господствовать над географическим пространством, но также вместе с ним претендовали подчинить своей воле живущих там людей.

Сама проблема восприятия и рефлексирования этносоциального пространства, находящегося в тесном взаимодействии с ландшафтом, вырастающего из его изначальной модальности, определяла острую реакцию горских обществ на вторгавшиеся к ним инверсии. Такая территория, исторически занятая для проживания в ней или

использования её в качестве пространства жизнеобеспечения, «способствовала формированию этнического самосознания и всех иных форм этнической культуры, как бы прорастая из ландшафтных оснований» [8, с. 104]. Горцы не стремились к доминированию над средой своего обитания и существования, поскольку они были спаяны с ней сакрально. Как отмечает современный исследователь Кавказа: «На этой почве повседневного взаимодействия с окружающим пространством жизнедеятельности, очерченной строгими рамками традиции, выросал своеобразный горский патриотизм (сопереживание), базировавшийся на чувстве близости и сродства с вмещающим горские социумы ландшафтом» [8, с. 104].

Важнейшая роль географической среды подчеркивалась уже тем, что она (или отдельные её компоненты) была неотъемлемым участником общественной жизни местного населения. «Местные жители почитали горы и их вершины фактически как священные объекты. Именно они являлись культовыми центрами жителей нескольких районов» [5, с. 25]. Например, на склонах горы Кетыш-Коры происходили ежегодные собрания старейшин чеченских тейпов, где обсуждались и принимались решения «по обычаям и этикету вежливости» [5, с. 20], а лезгины, рутулы, агулы и табасаранцы относились к горе Шалбуздаг как к святыне, к которой обращались по разным жизненным поводам, вымаливая прощение, испрашивая совета или помощи в повседневных делах. Для агулов и кайтагцев такой горой была Джуфдаг. Несколько священных гор имели лакцы – Вацилу, Пабакудаг, Панал-зунтту, а для аварцев такой святыней была Кыли-Меэр [5, с. 24–28].

Как отмечает по этому поводу Ю. Ю. Карпов, «почитание гор определялось уже тем, что в местных природных условиях именно горы служили надежными «вечными» ориентирами календарного хода времени» [5, с. 31]. Горские легенды обозначали горы как скрепляющую землю твердь, когда их вершины выступали вертикальной осью, вокруг которой вращается жизнь людей [5, с. 32].

В адыгских социумах вместе с горными вершинами такой же сакральностью наделялись гигантские деревья, бывшие элементами конструкции естественного природного мира и центрами, «нахождение которого на земле владельца, обеспечивает за ним стратегическое превосходство над окружающими» [13, с. 300].

В связи с этим можно констатировать, что единство ландшафта и культуры в горской среде не только наделяли их нравственной силой, но определяли даже их социальный статус, а сакральность в их отношениях сохранялась и передавалась через поколения посредством легенд, поверий, примет, пословиц, поговорок и закреплялась традицией [8, с. 106].

Отсюда «непонимание социокультурной парадигмы, рожденной местными ландшафтами, своим следствием имело конфликт» [8, с. 118], поскольку ценностные разряды этносов будут тем более различаться, «чем более различными были природные и исторические условия в эпоху становления этносов» [1, с. 28]. Феномены, созданные на платформе иной этнической картины мира, уже сами по себе вызов для устоявшейся традиции.

Вторжение в зону жизнедеятельности кавказских народов этнически и ментально чуждых пришельцев, сопровождавшееся их разрушительным воздействием на привычные формы ландшафта, воспринималось как поругание этнообязательных устоев и ценностей. «Привычная картина окружающего пространства разрушалась, а вместе с ней рушилась устойчивость повседневного существования, опосредованного через образы привычных артефактов и природных объектов, которые либо разрушались физически, либо приобретали после внешнего воздействия инозвучание, изменяли не только физический облик, но изменяли свою сакральную сущность» [8, с. 108], либо утрачивали её вовсе. Автохтонное осмысление географической среды, направленное на присвоение и закрепление за собой структурной образности ландшафтных модусов, подвергалось инкультурному переформатированию, происходило замещение этнических имен путем замены символизма привычной топонимики иноязычными повращениями [8, с. 108].

Больше того, «вторгнувшаяся в автохтонный геосемантический ряд инкультурная новация по мере проникновения в присваиваемую ландшафтную среду выстраивала несколько слоев образных систем, не прекращая обновленческих усилий до тех пор, пока не добивались подавляющего доминирования собственной образности» [8, с. 108]. Таким образом та же Российская империя первоначально из отдельных и локально обусловленных географических образов стремилась сформировать образно-географическую картину универсального имперского пространства, способного адаптировать горскую «иммунность» [8, с. 109].

Следовательно, географическая среда, в которой осуществлялись горские общества, была важнейшим компонентом их «иммунности», а также и средством распознавания своего/нашего от чужого/чуждого, вторгавшегося в пространство кавказского мира. Своеобразным выражением и отражением традиционной «иммунности» в горской культуре был даже сам тип обустройства места пребывания каждой семьи. Горская усадьба подчеркивала семейную замкнутость, закрытость для внешнего мира глухими заборами, сделанными из самана и турлука [6, с. 89].

Уполномоченные представители Российской империи «подозревали» кавказские ландшафты в сговоре с местным населением и видели в нем

нерукотворную крепость, стойко оберегавшую горский мир. На это не раз указывали русские путешественники и военные. Так, В. Сидоров отмечал, что «... весь Дагестан, это страшное гнездо гор, изрезанное черными пропастями, отвесными стенами, уходящими за облака и одетыми снегами, казался всему миру недоступной и неодолимой крепостью» [17, с. 342–357].

Р. А. Фадеев отмечая особенный характер Кавказа, указывал на «... необыкновенное соединение всякого рода материальных и нравственных препятствий, о которое в продолжение полувека сокрушались усилия могущественной империи. Упорство сопротивления превзошло все ожидания. ... Русские встретили на Кавказе соединение всех препятствий в людях и в природе...» [18, с. 127, 129].

Этнические кавказские общества активно не принимали чужих инноваций, нарушавших ход их привычной жизни и противоречащих их ментальности. «Борьба между Российской империей и непримиримой к ней частью горских обществ шла не только за физическое пространство – местообитания, но стороны боролись за социокультурное их наполнение» [8, с. 121]. Если горцам хватало сил, они противостояли новациям, используя привычные для них способы, например, наездничество, которое не всегда было банальным грабежом, «хищничеством» или походом за зипунами, но ещё и средством запугивания противника, средством принуждения и давления на него. Горские удалцы разоряли казачьи станицы, крестьянские села, нападали на крепости и даже города (Моздок, Кизляр, Георгиевск), стремясь запугать и вынудить непрошенных чужеземцев покинуть пределы горского мира.

Если чужаки обладали громадным потенциалом, действовали настойчиво и последовательно, пытались силой преодолевать горские этнокультурные крепости, местные социумы, чтобы сохранить и спасти свою идентичность, уклонялись от коммуникации, воспрещая любые её формы, реализуя возможность бегства от инновации, как это происходило с адыгами Северо-Западного Кавказа или представителями иных горских обществ в 60-е гг. XIX столетия.

Само по себе «чувство внешней опасности, высокая мера конфликтности по отношению к миру – все это не деструктивно для этнической культуры. Вредит скорее их недостаток, когда культура лишается внутренней напряженности, а следовательно, мобильности» [12, с. 287], гибкости и собранности.

Если защитные механизмы этнической культуры способны маркировать внешнюю угрозу в терминах и понятиях, привычных для иерархии этнического бытия, такая угроза делается понятной и получает способ защиты – ритуальные или реальные действия.

Для пояснения данного тезиса можно привлечь модель и механизм реагирования на внешнюю угрозу в этнокультурной среде, близкой к горским обществам – кавказское казачество, а сам пример проиллюстрировать «Казачьей колыбельной песней» М.Ю. Лермонтова. Ситуация возникшей тревоги передается в строках «По камням струиться Терек, / Плещет мутный вал» – и тут же существующая опасность конкретизируется и называется: «Злой чечен ползет на берег, / Точит свой кинжал». Далее указывается средство защиты от существующей опасности: «Но отец твой старый воин/ Закален в бою», – чем снимается психологическое напряжение и страх: «Спи, малютка, будь покоен, / Баюшки-баю». Окончательно угроза преодолевается через закрепление стереотипа, которым задается алгоритм действий в подобных ситуациях: «Сам узнаешь, будет время, / Бранное житье; / Смело вденешь ногу в стремя/ И возьмешь ружьё» [12, с. 287–288; 11, с. 171–172].

Из приведенного выше примера выявляется основной механизм самозащиты любой этносоциальной культуры и её функция в системе общей «иммунной» конструкции – функция психологической защиты. Психологическая устойчивость позволяет не терять самообладания перед набором тех или иных угроз, стоящих за инновационностью, позволяет защищать этнокультурные константы от девальвации.

Если этого не удастся добиться, если сила культурного шока от соприкосновения с инновацией разрушает психологическое равновесие в этнической системе, под угрозу ставятся конкретные формы выражения этнокультурных констант, что порождает выраженный по глубине и по масштабу кризис.

Инновации отменяют многие прежние запреты и довлеющие над людьми каноны, например, ограничения на способы взаимодействия с природой. Для кавказских локальных сообществ контекст этих отношений был весьма важным, даже судьбоносным [9, с. 287–305].

Снятию запретов в северокавказской географической среде препятствовала сама среда обитания, её естественные возможности и механизмы самоосуществления. Разрушение традиционных связей и форм их реализации вело не только к деградации самой среды, но и к тесно связанным с ней этническим обществам. Природа всегда мстит человеку за игнорирование её основных законов, выявлявшихся в повседневной и многовековой практике их взаимодействий, ставит вопрос о выживаемости самих социумов. Смена смыслов и ценностных ориентаций в производственной деятельности опасна для обоих субъектов взаимодействия: человека и Природы – месторазвития социумов.

Инновационность в данной сфере связывается со сменами смыслов трудовой деятельности, которая, однако, возможна лишь тогда, когда ин-

новация может наглядно доказать свою состоятельность в привычных условиях, т.е. они должны быть эффективными и не разрушать сложившейся экологической системы, либо автохтонам приходилось кардинальным образом менять как место своего пребывания, так с формы хозяйственной деятельности под непреодолимым давлением внешних обстоятельств.

Так, например, произошло после вторжения на Северный Кавказ монгол и последовавшего после них нашествия среднеазиатских полчищ эмира Тимура, которые привели к полному разорению существовавшей земледельческой культуры и вынужденному бегству многих местных общин в высокогорье. Те же кавказские народы, которые заселили равнины Предкавказья (кабардинцы) в условиях постоянной нестабильности существования из-за вторжения крымских ханов, вынуждены были поменять свой прежний хозяйственный уклад и отдавать предпочтение в хозяйственной деятельности скотоводству и полукочевому образу жизни [6, с. 10].

В 40–50-е гг. XIX столетия в связи с развивавшимся наступлением войск Отдельного Кавказского корпуса в районы, населявшиеся непримиримыми к русским горскими обществами, последние, чтобы уменьшить негативные последствия от уничтожения войсками их хлебных полей, стали переносить их на небольшие участки, расчищенные в глубине лесов, и перешли от культивирования пшеницы и проса к посадкам кукурузы [7, с. 48].

В других условиях, например, при утверждении и переселении колонистов в пределы Северного Кавказа под эгидой Российской империи, сама трудовая деятельность по своему характеру и приемам могла оставаться прежней или слегка видоизменяться, но происходила принципиальная смена смыслов и ценностных ориентаций этой деятельности [16, с. 199]. Деятельность на земле сделалась не столько и не только способом прокормления, но способом извлечения выгоды с переходом её к товарности в условиях утверждения рыночных отношений.

Неординарность и сложность развития ситуации заключалась в том, что вместе с разрушением традиционной системы или какой-то её части, менялась идеология и институты, обеспечивавшие функционирование всей системы и связей как внутри неё, так и формы её связей с географической средой обитания, или хотя бы ослабевала их императивность. В этом случае значительно возрастал утилитарный подход к взаимодействию людей с объектами природы, животным и растительным миром.

Как отмечают исследователи [16, с. 201], принцип роста утилитаризма выступает в качестве универсального инструментария в смене смыслов и ценностных ориентаций в трудовой деятельно-

сти. Эти процессы могут приобретать взрывной характер и реализовываться в форме «цивилизационного этического структурирования», когда-то или иное сообщество находится в определенном пограничном состоянии и ситуации.

Принципиальная смена в вышеназванных сферах произошла в рамках европейской цивилизации в эпоху Нового времени – модерна. Россия была в рассматриваемый период ретранслятором европейского опыта на Кавказ, хотя и значительно русифицированного. Россия предлагала видеть во след за Европой в природной среде бесплатную и бездонную кладовую, обязанную служить человеческим потребностям и прихотям, воспринимать окружающую среду как нечто вторичное в отношениях со средой социальной.

Для северокавказских этнических обществ такой подход был неприемлем ни по моральным, ни по производственным причинам. Весь прошлый опыт обосновывался на гармонии взаимодействия, по крайней мере, антропологический ущерб от кавказского способа хозяйствования никогда не приобретал духа и рамок агрессии и завоевания в отношении природных комплексов.

Хозяйственная культура взаимодействия людей с ландшафтами строилась на максимальном уровне соучастия. Так большое количество садов, находившихся по берегам Андийского, Аварского и Казикумухского Койсу, были превращены трудом горских жителей в естественные парники [4, с. 62].

В адыгской среде садоводство имело давние традиции у натухайцев, шапсугов и убыхов, «уход за существующими садами, и посадка новых считалась у адыгов делом чести. Они хорошо знали особенности почв своей страны и умело в соответствии с этим подбирали различные сорта деревьев» [19, с. 180].

Сложившиеся в горской среде способы манипулирования в рамках материального вещного мира, определяли наличие устоявшихся технологий в хозяйственной системе культивируемых сельскохозяйственных культур: кукурузы, винограда, марены, многих садоводческих плодовых растений, овощей. В усадьбах горцев устраивались плетеные хранилища кукурузы и зерна на столбах, чтобы обеспечивать ему проветривание. Такие хранилища «были элементом земледельческих культов», выполнявших не только хозяйственную функцию, но и выступали в качестве организующего элемента пространственного устройства горской усадьбы [2, с. 59].

В локальных сообществах, устроенных на патриархальных основаниях, как правило, господствовало стремление обеспечить каждой семье минимум материальных благ и почти не просматривалось установки (как массового явления) получения прибыли. Более того, там само понятие «прибыль» как результат производственных уси-

лий отсутствовало. Люди там трудились столько, сколько им было необходимо для выживания и традиционно одобряемого потребления.

По этой причине долгие попытки имперской администрации на Северном Кавказе заинтересовать горских жителей последствиями и прихотливостью процветания, получаемого от роста материального благосостояния как результатов хозяйственных усилий, разбивались об обыкновения малого стяжания. Экономическая культура горских обществ строилась на иных основаниях. Кроме того, ценность получения материального благосостояния посредством каждодневных трудовых усилий уступала ценности получения таких благ посредством наездничества. Полученные таким образом блага были не только средством прокормления, но, в первую очередь, показателем социальной престижности и статусности, а также средством социализации в данных сообществах.

С другой стороны, например, традиционное скотоводство не столько повышало уровень потребления, сколько было показателем и материальным основанием богатства. Величина стада выступала в качестве мерила все того же престижа, а сам скот использовался как всеобщий эквивалент обмена. В этой связи экономическая деятельность людей была направлена не на получение прибыли как таковой, а ориентировалась на увеличение социального престижа. Отсюда в горской среде обыкновением были походы за барантой – отгоном чужого скота и лошадиных табунов.

Хозяйственная инновационность, привносимая имперскими структурами, укоренявшимися в пространстве Северного Кавказа, не имела позитивных результатов на протяжении многих десятилетий потому, что не имела возможности или не знала путей изменения обоснования экономического поведения среди кавказских автохтонов. Как правило, экономическая деятельность членов горских обществ полностью была подчинена установленной общей системе социокультурных связей, в которой экономическое поведение приводилось в действие неэкономическими мотивами. Здесь можно сослаться на авторитет Карла Поланы, который утверждал, что главным двигателем индивидов в традиционной структуре является репутация, так как они вынуждены выполнять свои обязанности, демонстрируя свою состоятельность в тех сферах жизни, в которые они были включены [14, с. 58]. Кроме того, этот исследователь считал, что в традиционном обществе экономика «погружена», «встроена», «врезана» в само общество, в котором не существовало специальных экономических отношений, а их роль выполняли родственные, моральные, религиозные, политические и прочие неэкономические отношения [14, с. 64–65; 15, с. 65].

Карл Поланьи подчеркивал, что «пока рынок и деньги оставались простым придатком к домашнему хозяйству, в прочих отношениях самодостаточному, принцип производства для потребления может действовать с прежним успехом. ... Мотив прибыли не играл здесь заметной роли. Совместные действия обычая и закона, магии и религии побуждало индивида следовать тем правилам поведения, которые в конечном счете позволяли ему занять свое место в экономической системе» [14, с. 66 – 67].

Особенность хозяйственного функционирования горской экономики заключалась и в том, что собственно экономические отношения в ней перекладывались и поручались особым социальным группам инокультурного происхождения – черкесам у адыгов или армянам и горским евреям в других частях Северного Кавказа. Например, торговля сделалась формой этнической специализации перечисленных социальных групп среди горцев, в системе ценностей, которых данная деятельность находилась за рамками престижности. Благодаря этому в горских сообществах сохранялись формы обязывающего повседневного поведения в системе существовавших этнокультурных ценностных предписаний и хозяйственного уклада, а сами горцы освобождались от необходимости осваивать хозяйственные новации инокультурного происхождения [3; 10, с. 413–415].

По этим причинам хозяйственные инновации крайне медленно укоренялись в хозяйственном быте горских обществ. Например, горцы долгое время не принимали русского отношения к лоша-

дям, где этих животных использовали в качестве тягловой силы в транспорте и обработке земли, при обмолоте зерна. Лошадь в горском мире была только верховым животным, помощником горским удалцам в их набеговых предприятиях, товарищем, боевым соратником, символом престижа и гордости. Перемена в этих отношениях могла произойти только после завершения доминирования специфической формы местного быта – наездничества и вытеснения дворянского и героического сознания крестьянским, пришедшим и утвердившимся вместе с переселенцами [2, с. 64–65].

Таким образом, можно констатировать, что «иммунность» северокавказских горских обществ, понимаемая как средство защиты социально-культурной общности от вторжения инноваций инокультурного происхождения, обуславливалась и вырастала из географического месторазвития, которое предписывало им основные параметры и способы функционирования в заданных рамках социокультурного пространства, устанавливая правила и обыкновения, транслировавшиеся посредством традиции, закреплявшей существующий порядок вещей в модальности этнической картины мира.

Важным компонентом формирования, этнической «иммунности» был выработанный каждым социумом хозяйственный механизм, вписанный в систему геокультурного самоопределения. Особенностью горской хозяйственной культуры было отсутствие собственных экономических отношений, которые поручалось осуществлять специальным социальным группам.

Литература

1. Авксентьев А. В., Авксентьев В. А. Северный Кавказ в этнической картине мира. Ставрополь: Изд-во СГУ, 1998. 160 с.
2. Дмитриев В. А. Типология русско-северокавказских заимствований в материальной культуре // Россия и Кавказ – сквозь два столетия. Исторические чтения. СПб.: АОЗТ Журнал «Звезда», 2001. С. 58–68.
3. Ильясова А. А., Гранкин Ю. Ю. Торговый фактор в системе политико-экономического развития Северного Кавказа в XVIII – первой половине XIX веков. Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2013. 224 с.
4. История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.) / ответ. ред. акад. А. Л. Нарочницкий. Москва: Наука, 1988. 659 с.
5. Карпов Ю. Ю. Взгляд на горцев. Взгляд с гор: Мировоззренческие аспекты культуры и социальный опыт горцев Дагестана. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2007. 656 с.
6. Кобычев В. П. Поселения и жилище народов Северного Кавказа в XIX–XX вв. Москва: Наука, 1982. 196 с.
7. Лазарян С. С. Экономическая, социальная и этно-конфессиональная политика князя М.С. Воронцова в Кавказском крае. 1845–1854 гг. Пятигорск: ПГЛУ, 2014. 398 с.
8. Лазарян С. С. Очерки и характеристики событий кавказской старины первой половины XIX века. Пятигорск: ПГУ, 2018. 247 с.
9. Лазарян С. С. Роль ландшафтов в контексте социокультурного существования и противоборства России с горскими обществами Северного Кавказа в (1801–1864 гг.) // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Выпуск 66. М.: ИВИ РАН, 2019. С. 287–305.
10. Лазарян С. С. Кавказ под управлением князя М.С. Воронцова (1844–1854 гг.). М.: Проспект, 2022. 768 с.
11. Лермонтов М.Ю. Сочинения: В 2-х т. Т. 1. М.: Изд-во «Правда», 1988. 720 с.
12. Лурье С. В. Историческая этнология. М.: Академический Проект: Гаудеамус, 2004. 624 с.
13. Нарты. Адыгский героический эпос / Составители А. И. Алиева, А.М. Гадагатль. М.: Наука, 1974. 415 с.
14. Поланьи К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени / под общ. ред. С. Е. Федорова; пер. с англ. А. А. Васильева С. Е. Федорова, А. П. Шурбелева. СПб.: Алетейя, 2014. 312 с.
15. Семенов Ю. И. Экономическая антропология // Восток. 2004. Вып. 9 (21). С.62 – 85.
16. Сергеева О. А. Соотношение новаций и традиций в цивилизационном процессе // Философия и общество. 1999. №2. С. 185–208.
17. Сидоров В. Путевые заметки и впечатления. СПб.: Типография М. Акинфеева и И. Леонтьева, 1897. 683 с.
18. Фадеев Р. А. Кавказская война. М.: Эксмо, 2003. 640 с.
19. Чекменёв С. А. Переселенцы. Пятигорск: ООО «Кинт», 1994. 352 с.

References

1. Avksentev A. V., Avksentev V. A. Severnii Kavkaz v etnicheskoi kartine mira (North Caucasus in the ethnic picture of the world). Stavropol: SSU publ., 1998. 160 p. (In Russian).
2. Dmitriev V. A. Tipologiya russko-severokavkazskikh zaimstvovaniy v materialnoi kulture (Typology of Russian-North Caucasian borrowings in material culture) // «Rossiya i Kavkaz – skvoz dva stoletiya». Istoricheskie chteniya. St. Petersburg: AOZT ZHurnal «Zvezda», 2001. P.58 – 68. (In Russian).
3. Ilyasova A.A., Grankin YU.YU. Torgovii faktor v sisteme politiko-ekonomicheskogo razvitiya Severnogo Kavkaza v XVIII – pervoi polovine XIX vekov (The trade factor in the system of political and economic development of the North Caucasus in the 18th – first half of the 19th centuries). Pyatigorsk: PSLU publ., 2013. 224 p. (In Russian).
4. Istoriya narodov Severnogo Kavkaza (konec XVIII v. – 1917 g.) (History of the peoples of the North Caucasus (late 18th century – 1917) / ed. by A. L. Narochnikii. Moscow: Nauka, 1988. 659 p. (In Russian).
5. Karpov Yu.Yu. Vzgl'yad na gorcev. Vzgl'yad s gor: Mirovozzrencheskie aspekty kultury i socialnoi opit gorcev Dagestana (A look at the mountaineers. View from the mountains: Worldview aspects of culture and social experience of the highlanders of Dagestan). St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2007. 656 p. (In Russian).
6. Kobichev V.P. Poseleniya i zhilish'e narodov Severnogo Kavkaza v XIX-XX vv. (Settlements and dwellings of the peoples of the North Caucasus in the XIX-XX centuries). Moscow: Nauka, 1982. 196 p. (In Russian).
7. Lazaryan S.S. Ekonomicheskaya, socialnaya i etno-konfessionalnaya politika knyazya M.S. Vorontsova v Kavkazskom krae. 1845-1854 gg. (Economic, social and ethno-confessional policy of Prince M.S. Vorontsov in the Caucasus region. 1845–1854). Pyatigorsk: PSLU publ., 2014. 398 p. (In Russian).
8. Lazaryan S.S. Ocherki i harakteristiki sobitii kavkazskoi starini pervoi polovini XIX veka (Essays and characteristics of the events of Caucasian antiquity in the first half of the 19th century). Pyatigorsk: PSU publ., 2018. 247 p. (In Russian).
9. Lazaryan S.S. Rol landshaftov v kontekste sociokulturnogo sush'estvovaniya i protivoborstva Rossii s gorskimi obsh'estvami Severnogo Kavkaza v (1801–1864 gg.) (The role of landscapes in the context of socio-cultural existence and confrontation between Russia and the mountain communities of the North Caucasus in (1801–1864) // Dialog so vremenem. Almanah intellektualnoi istorii. Issue 66. Moscow: IWH of RAS publ., 2019. P.287 – 305. (In Russian).
10. Lazaryan S. S. Kavkaz pod upravleniem knyazya M. S. Vorontsova (1844–1854 gg.) (Caucasus under the control of Prince M. S. Vorontsov (1844–1854)). Moscow: Prospekt, 2022. 768 p. (In Russian).
11. Lermontov M.Yu. Sochineniya: In 2 Vols (Compositions: In 2 volumes). Vol. 1. Moscow: Pravda publ., 1988. 720 p. (In Russian).
12. Lur'e S. V. Istoricheskaya etnologiya (Historical ethnology). Moscow: Akademicheskij Proekt: Gaudeamus, 2004. 624 p. (In Russian).
13. Narti. Adigskii geroicheskii epos (Narty. Adyghe heroic epic) / compiler A. I. Alieva, A.M. Gadagatl. Moscow: Nauka, 1974. 415 p. (In Russian).
14. Polani K. Velikaya transformatsiya: politicheskie i ekonomicheskie istoki nashego vremeni (The Great Transformation: The Political and Economic Origins of Our Time) / ed. by S.E. Fedorova; translated by A. A. Vasileva, S. E. Fedorova, A. P. SHurbeleva. St.Petersburg: Aleteiya, 2014. 312 p. (In Russian).
15. Semenov Yu. I. Ekonomicheskaya antropologiya (Economic anthropology) // Vostok. 2004. Issue 9 (21). P 62–85. (In Russian).
16. Sergeeva O. A. Sootnoshenie novatsij i traditsij v civilizatsionnom processe (The Correlation of Innovations and Traditions in the Civilization Process) // Filosofiya i obshchestvo. 1999. No. 2. P. 185–208. (In Russian).
17. Sidorov V. Putevie zametki i vpechatleniya (Travel notes and impressions). St.Petersburg: M. Akinfeev and I. Leontev publ., 1897. 683 p. (In Russian).
18. Fadeev R.A. Kavkazskaya voyna (Caucasian war). Moscow: Eksmo, 2003. 640 p. (In Russian).
19. CHekmenev S.A. Pereselenci (Settlers). Pyatigorsk: OOO «Kint», 1994. 352 p. (In Russian).

Сведения об авторе

Кузнецова Екатерина Викторовна – аспирант кафедры исторических и социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии Пятигорского государственного университета / april-86@mail.ru
 Адрес: д. 9, проспект Калинина, 357352, Пятигорск, Российская Федерация.

Information about the author

Ekatherina V. Kuznetsova – Postgraduate Student, Historical and Socio-philosophical Courses, Oriental Studies and Theology, Pyatigorsk State University / april-86@mail.ru
 The address: 9, Kalinina Avenue, 357352, Pyatigorsk, Russian Federation.